

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

XXVII

Модест Колеров
Москва 2020

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)
Р89

Р89 Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXVII. М. : Модест Колеров, 2020. 568 с.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books

ISBN 978-5-905040-50-4

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-905040-50-4

© Авторы статей, 2020
© Модест Колеров, 2020

А. В. Ганин

«МОЯ ЖИЗНЬ
В ОБСТАНОВКЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛА
(ЧТОБЫ НЕ СКАЗАТЬ НЕВЫНОСИМА)»:
СУДЬБА ГЕНЕРАЛА А. С. МАДРИТОВА¹

Имя генерал-лейтенанта Александра Семеновича Мадритова широко известно прежде всего по событиям начала XX века на Дальнем Востоке. Наиболее поздним упоминанием о Мадритове до сих пор служили отрывки из его же доклада о событиях на Тереке за 1918 г., цитировавшиеся генералом А. И. Деникиным в «Очерках русской смуты». Между тем, после 1918 г. Мадритов прожил еще около сорока лет, но о том, как генерал встретил революционные события, какую сторону выбрал в начавшейся Гражданской войне, как уцелел, а также каким образом сложились его последующая жизнь и судьба, известно не было.

Знакомство с правнуком генерала Ю. Ю. Мажуриным, сообщившим, что Мадритов прожил долгую жизнь в СССР и следовавшие вслед за этим поиски в нескольких архивах позволили восстановить жизнь и судьбу этого видного представителя дореволюционной военной элиты. Не ставя своей задачей написание полной биографии Мадритова, автор этих строк постарался осве-

¹ Выражаю благодарность правнуку А. С. Мадритова Ю. Ю. Мажурину (Запорожье) за помощь в подготовке статьи.

тить послереволюционную судьбу генерала, тем более что поиск и сбор материалов по этому вопросу далеко не тривиален.

Мадритов родился 26 августа 1868 г. и происходил из дворян Ставропольской губернии. Это был высокообразованный и энергичный офицер, окончивший 1-й Московский кадетский корпус (1885), 3-е военное Александровское училище (1887), Николаевскую академию Генерального штаба с дополнительным курсом по 1-му разряду (1898) и вдобавок прослушавший полуторагодичный курс Военно-медицинской академии². На службе Мадритов находился с 1885 г. и приобрел обширный и разнообразный опыт.

Подлинную известность он получил в результате дальневосточных событий. В период Китайского похода Мадритов командовал легучими отрядами, в основном из забайкальских казаков и сибирских стрелков. 16–17 июля 1901 г., пройдя за сутки 104 версты, он нагнал китайский отряд в 4500 человек, разбил его и захватил в плен³.

В 1902–1904 гг. Мадритов командировался в Корею для охраны знаменитой концессии на реке Ялу⁴ как главноуполномоченный русского лесогорнопромышленного торгового общества на Дальнем Востоке⁵. Кроме того, он председательствовал в 1902–1904 гг. в Обществе по установлению торговых сношений России с Китаем и Монголией⁶.

О характере той работы свидетельствует позднейшая автобиографическая записка о службе Мадритова. Себе в заслугу уже в советское время бывший генерал ставил целый ряд действий в Маньчжурии и Корее. Так, при Мадритове была произведена разведка лесных массивов Кореи и Маньчжурии по обоим берегам реки Ялу и ее притоков, произведена инструментальная съемка областей Кореи и Маньчжурии, прилегающих к Ялу, проведена планировка города Дальнего, организована рубка леса и сплав его к устью

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 1об.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Подробнее о политике России в Маньчжурии и Корее перед Русско-японской войной см.: *Айрапетов О. Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015. С. 69–79, 126–163, 181–193; *Он же.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. М., 2018. Т. 4. С. 152–191.

⁵ *Куропаткин А. Н.* Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 90.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11об.

Ялу, за полгода срублено и сплавлено на 1 500 верст до 10 млн кубических футов (283 168 м³) леса, заказаны в Америке и установлены возле устья Ялу 60 лесопильных рам, заказаны и задействованы два лесных парохода, три грузовых и два пассажирских, открыто семь отделений организации по Маньчжурии, связанных между собой и Порт-Артуром телеграфной и телефонной сетью, выстроен поселок Янюнпо в устье Ялу, где построено десять двухэтажных корпусов, очищено устье реки для прохода океанских пароходов и устроена пристань, проведена электрификация Мукдена, открыт и куплен у китайских властей каменноугольный район протяженностью до 25 верст, организована разработка, приведшая к тому, что через полгода уголь стал заменять японский для нужд русского флота, организована продажа в Китай и Монголию нефти Нобеля с вытеснением американской продукции, налажена доставка московской мануфактуры по особо заказанным рисункам, организовано торговое пассажирское пароходство по реке Ляохэ с вытеснением британской компании, были открыты и начали разрабатываться золотые россыпи в Восточной Маньчжурии, а также нефтеносные земли⁷. Помимо этого, Мадритов участвовал в комиссии по лоции моря и берегов Квантунского полуострова и рек Ялу и Ляохэ. Таким образом, при участии Мадритова началось полноценное хозяйственное освоение Кореи, едва ли связанное с нехваткой в России леса, кроме того, продолжалось освоение Маньчжурии.

Этим таланты офицера не исчерпывались. Авторству Мадритова принадлежало «Экономическое описание Каньоянского и Хаилунченского районов Маньчжурии» с приложением карт, а также вышедшая в 1899 г. под псевдонимом в «Ниве» статья «Поставка реального воспитания и образования в России».

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в чинах подполковника и полковника Мадритов командовал конно-летучим отрядом своего имени⁸. Отряд прославился лихими действиями в японском тылу⁹.

Граф А. А. Игнатъев увековечил Мадритова на страницах своих мемуаров, неоднократно издававшихся массовым тиражом в СССР:

⁷ Там же. Л. 11 об. — 12.

⁸ См., напр.: Ганин А. В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 195, 207, 209, 215.

⁹ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 282.

«Офицер Генерального штаба полковник Мадритов еще за два года до войны действовал на лесных концессиях у реки Ялу в качестве главноуполномоченного Русского лесо-горнопромышленного торгового общества на Дальнем Востоке, как тогда именовалась безобразовская антреприза. [Генерал А. Н.] Куропаткин, в зависимости от положения на Дальнем Востоке, то требовал увольнения полковника Мадритова из Генерального штаба, то хотел использовать знания и большой опыт этого энергичного офицера как полезного эксперта в маньчжурском вопросе. В конце концов Мадритов войну провел во главе импровизированных отрядов, настолько оторванных от остальной армии, что после мукденского погрома о нем даже забыли. Он очутился со своими частями в тылу японских армий, и ему удалось с большим трудом пробиться из окружения»¹⁰.

В советское время Мадритов ставил себе в заслугу то, что в отряде скрывалось до 200 добровольцев из беглых ссыльно-каторжных, которые, исключая убитых, получили благодаря Мадритову «Знаки отличия Военного ордена» и полное помилование, а затем вернулись домой. Среди них Мадритов называл Нико Цулукидзе (Тифлис), Рансдена Гланти и Джибладзе (Батум), Платона Каландарашвили (Озургеты)¹¹. Вскоре это спасло ему жизнь. 12 декабря 1905 г., в разгар декабрьского вооруженного восстания, Мадритов, возвращавшийся с войны, оказался на Курском вокзале Москвы. Рабочие разоружали и порой убивали офицеров. Как позднее вспоминал сам Мадритов, его узнали двое бывших у него каторжан и объяснили рабочим, кто это, после чего Мадритову рабочие дали извозчика и провезли через все баррикады к Николаевскому вокзалу. Новость об этом напечатала в период с 15 по 25 декабря 1905 г. газета «Свет», в результате чего Мадритову якобы полтора года не давали назначения¹².

В Первую мировую войну Мадритов вновь проявил себя. По свидетельству генерала Ф. Ф. Новицкого, «при некоторых отрицательных чертах Мадритов был очень толковым начальником, и в тех случаях, когда он желал что-либо осуществить, у него хватало для этого и умения и настойчивости, а главное, на него можно было положиться, зная, что в трудную минуту он не подведет со-

¹⁰ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 207.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 12.

¹² Там же. Л. 12 об.

седа, что так часто бывало с другими в минувшую войну... из всех генералов II Сибирского корпуса Мадритов выделялся в положительную сторону»¹³. О том, что Мадритов отличался энергичностью на посту начальника дивизии в годы Первой мировой войны, свидетельствовал генерал А. А. Свечин¹⁴. В. В. Кочубей вспоминал: «С первых же дней своего пребывания на фронте эта 56-я пехотная дивизия показала себя в боевом отношении с наихудшей стороны. Приблизительно до середины 1915 г., в целом ряде боев и сражений переживала она как бы непрерывную цепь неудач и поражений, подводя не только своих соседей, но часто даже и всю ту армию, в состав которой она в то время входила. Только новый ее начальник, генерал Мадритов, принявший эту злополучную дивизию в июне или в июле 1915 г.¹⁵, реорганизовал ее систематически и целесообразно, обновляя, главным образом, ее совершенно деморализованный и небоеспособный личный состав. Таким образом, ему удалось постепенно переделать эту дивизию в отличное в боевом отношении соединение. Особенно выделялась она в боевом отношении из общей массы нашей пехоты в боях лета 1917 года, заслужив особую похвалу генерала Корнилова»¹⁶.

Кочубей, служивший старшим адъютантом штаба XXXIV армейского корпуса, отмечал, что Мадритов «подошел к делу с практической стороны. Сразу же раздобыл и снабдил дивизию всем необходимым. Люди почувствовали, что появился начальник, заботящийся о них. Затем его стали видеть во всех частях дивизии. Он бывал всюду. Его видели в передовых окопах, во время боя он не скрывался в тылу, а появлялся в самых опасных местах. Для каждого солдата у него было «словцо». Его стали уважать и любить.

После того, как его все узнали, он приступил уже и к боевой подготовке, и в короткий срок дивизия превратилась в отличное воинское соединение.

Мадритов вложил в дело всю свою душу, все свои способности, всю свою военную жилку и совершил подвиг, на который бы-

¹³ Новицкий Ф. Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 года (из личных воспоминаний участника) // Война и революция. 1930. Кн. 6. С. 117.

¹⁴ Свечин А. А. Искусство вождения полка: [по опыту войны 1914–1918 гг.]. М., 2005. С. 143.

¹⁵ Правильно — в апреле 1915 г.

¹⁶ Кочубей В. В. Капитан Дашков (из воспоминаний) // Военная быль (Париж). 1968. № 87. Сентябрь. С. 34.

ли способны такие одаренные с рождения военачальники, как, напр[имер], Корнилов, Марков или Довбор[-Мусницкий].

Когда я попал в штаб корпуса, Мадритова уже не было. Его судьба мне неизвестна. Но его ореол и заведенные им порядки царили не только в 56-й дивизии, но и во всем корпусе.

Вскоре началась революция.

Закалка, которую дивизия получила от Мадритова, была такова, что на фоне начавшегося развала она продолжала отлично держаться...

Этими краткими воспоминаниями я хотел подчеркнуть, что дельный, энергичный и волевой начальник может самую худшую воинскую часть превратить в боеспособную»¹⁷.

С конца июня по конец августа 1916 г. Мадритов лечился от ран на Кавказе¹⁸, после чего получил назначение на пост военного губернатора Сырдарьинской области. В этом регионе тогда разворачивались события Туркестанского восстания¹⁹. Во главе Гюргенского отряда Мадритов участвовал в ликвидации восстания, подавляя беспорядки среди туркмен. Позднее был военным губернатором Семиреченской области.

Боевой и служебный путь Мадритова отмечен множеством наград, среди которых ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, «Золотое оружие» — за Китайский поход; Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 3-й ст. с мечами — за Русско-японскую войну; Св. Станислава 1-й ст. с мечами, Св. Анны 1-й ст. с мечами, Св. Владимира 2-й ст. с мечами, Белого орла с мечами — за Первую мировую войну²⁰. Кроме того, генерал имел два китайских ордена, один японский и один

¹⁷ Кочубей В. В. Об одной второочередной дивизии // Часовой (Брюссель). 1960. № 405. Январь. С. 21–22.

¹⁸ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17 141. Послужной список 327–778. Л. 2 об.

¹⁹ Подробнее о подавлении восстания см.: Ганин А. В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2008. Т. 5. С. 152–214.

²⁰ В советском послужном списке Мадритов приписал себе награждение орденом Св. Георгия 4-й ст. за бои под Лодзью (РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 2 об.), но подтверждений этому не обнаружено (см., напр.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 620).

бухарский. За бой под Аньчжу в Русско-японскую войну (набег в Корею и действия на сообщения японских войск) Мадритов получил чин полковника, а за боевые отличия в Первую мировую войну произведен в генерал-лейтенанты. За свою военную карьеру Мадритов был трижды ранен и контужен²¹, что дало ему право на причисление в 1916 г. ко 2-му классу Александровского комитета о раненых²².

В собственноручной краткой записке о службе, составленной в конце 1918 г. для белого командования, Мадритов отметил, что в 1917 г. был «вызван в Петроград г. Гучковым, но после революции, несмотря на предложения, нигде не служил»²³. С 9 июня 1917 г. по начало 1918 г. Мадритов состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа²⁴. Впрочем, в советском послужном списке указано, что с 22 февраля по 20 августа 1917 г. генерал лечился от ран и малярии на Кавказских Минеральных Водах, а прибыл в Петроград 20 августа и находился там до 1 января 1918 г.²⁵

После 1917 г. генерал оставался в тени. О его послереволюционной жизни есть лишь отдельные упоминания, а судьба до сих пор оставалась не проясненной²⁶. В советском послужном списке о его деятельности в период с 1 января 1918 г. по 23 ноября 1920 г. буквально одна фраза: «Уволен за ранами в отставку и нигде не служил, кроме терской кооперации»²⁷. На самом деле, период 1918–1920 гг. в биографии Мадритова оказался более драматичным, но эти данные генерал предпочел скрыть.

По всей видимости, в начале 1918 г. Мадритов отправился на свою малую родину, в район Кавказских Минеральных Вод (Мадритов был уроженцем станицы Горячеводской Пятигорского отдела Терской области²⁸), где его застали события Гражданской войны. Позднее он отмечал, что в 1917–1918 гг. организовал

²¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11 об.

²² РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17 141. Послужной список 327–778. Л. 6 об.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.

²⁴ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 425.

²⁵ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3.

²⁶ См., напр.: Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 2. С. 84.

²⁷ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17 141. Послужной список 327–778. Л. 3.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 4.

кредитное товарищество на Тереке в семи хуторах и селах и стал его председателем. Также участвовал по выбору крестьян в 1917 г. в съездах Терека и Кубани по земельным вопросам²⁹. Следовательно, на Тереке Мадритов появился еще в 1917 г.

Сохранился доклад Мадритова белому командованию о событиях в Терской области с 20 февраля по 11 ноября 1918 г. Этот документ впоследствии цитировал в своих «Очерках русской смуты» генерал А. И. Деникин. Благодаря докладу можно восстановить подробности участия его автора в событиях на Тереке. Мадритов вспоминал: «Надо отдать справедливость, что избранный в Пятигорске Совет народных комиссаров, по-видимому, искренне хотел работать в более мирном направлении, но, по выражению самого председателя Совета народных комиссаров [С. Г.] Буачидзе, этому правительству не хватило сил обуздать совдепы. Получив власть, большевики, конечно, боялись потерять ее и для ограждения себя начали обезоруживать казаков, говоря, что оружие им нужно для создания армии, для защиты Кавказа от надвигающихся турок и немцев. Буачидзе понимал, что наемные солдатские банды становятся опасными даже для самого большевистского правительства и совершенно не способны выступить против надвигавшихся на Кавказ турок и немцев; он считал необходимым создать что-либо похожее на регулярную армию и обратился за содействием к некоторым генералам, как то: к [Н. В.] Рузскому, [Р. Д.] Радко-Дмитриеву и ко мне. Генерал Рузский отказался по болезни, Радко-Дмитриев заявил, что если армия будет создана, он примет над ней командование, но организацией армии заниматься не будет. Я заявил, что при таком ужасном положении, в коем находится офицерство, создание армии не представляется возможным. Тогда Буачидзе решил обратиться ко всему офицерству прийти на помощь правительству, спасти Родину от немцев и турок»³⁰.

В позднейшей записке о службе, составленной самим Мадритовым в 1940–1941 гг., он отмечал, что являлся инвалидом Красной армии, в белых армиях не служил, а «в 1918 году пред[седателем] Совнаркома Терека т. Буачидзе был приглашен и участвовал как председатель комиссии по созданию Красной армии на Тереке»³¹.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 12.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 50б.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

Руководитель Белого движения на Юге России генерал А. И. Деникин отмечал, что генерал Мадритов в 1918 г. сотрудничал с красными в деле организации обороны Кавказа от германо-турецкого наступления и согласился стать командующим войсками Терской области³². Упомянул о Мадритове и знаменитый впоследствии генерал А. Г. Шкуро, тогда полковник. По его свидетельству, в Пятигорске «собрались офицеры и своим старшиной выбрали прославившегося партизанскими действиями в Японскую войну генерала Мадритова. У них возник вопрос о необходимости кодификации новых уставов, где были бы приняты во внимание идейные завоевания революции и которые бы строго регламентировали правовое положение офицеров и их взаимоотношения с солдатами. Для этой цели была выбрана комиссия, которая с Мадритовым во главе выехала во Владикавказ, чтобы работать там в сотрудничестве с большевистским правительством Терской республики»³³.

Генерал тогда помог Шкуро освободиться из-под ареста, для чего лично встречался с С. Г. Буачидзе и настаивал на освобождении арестованного, указывая, что «в противном случае и предпринятый им пересмотр уставов бесцелен, ибо казаки будут окончательно восстановлены против большевиков и ни о каком взаимном их сотрудничестве не может быть и речи»³⁴. Освобождение Шкуро имело серьезные последствия для военно-политической обстановке в регионе. После освобождения полковник Шкуро организовал партизанский отряд, с которым совершал дерзкие набеги на различные населенные пункты, начал настоящую партизанскую войну против красных и на короткое время 27 июня 1918 г. захватил Кисловодск, что инициировало казачье восстание на Тереке³⁵.

Полковник Б. Н. Литвинов даже отметил генерала Мадритова как представителя «красной военной власти того времени во Владикавказе»³⁶. По свидетельству Литвинова, Мадритову

³² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 144.

³³ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 103.

³⁴ Там же. С. 109.

³⁵ Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918. Нальчик, 2016. С. 250–257; Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб., 2017. С. 220, 222–223.

³⁶ Литвинов Б. Н. Воспоминания. М., 2017. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и Закаспии. 1918–1920 гг. С. 9.

красное командование поручило восстановление 21-й пехотной дивизии³⁷.

Еще в мае 1918 г. Мадритов возглавил комиссию из девяти человек, включая генералов А. Ф. Барсова, Н. И. Назимко и Б. Д. Франка, по выработке устройства народной армии³⁸. Предполагалось сформировать армию, совершить переворот и присоединиться к Добровольческой армии. В начале июня 1918 г. СНК Терской советской республики согласился на формирование армии. На пост командующего предложили Мадритова. Об этом же просили офицеры-горцы, среди которых генерал пользовался популярностью. Начальником штаба стал генерал-майор М. Г. Фисенко. Мадритов со штабом разместился во Владикавказе³⁹.

В конце июня 1918 г. началось антибольшевистское восстание терского казачества. Во главе выступления стал политический орган — Казачье-Крестьянский совет в Моздоке во главе с эсером Г. Ф. Бичераховым.

Мадритов впоследствии критически отзывался об организаторах восстания и отмечал, что «высшая терская власть и командование не проявило достаточной энергии для создания настоящей армии и в будущем не воспользовалось⁴⁰ подъемом духа казаков после удачного боя под Прохладной; упустили слишком много драгоценного времени в пустых разговорах о создании Терской федеративной республики и об ее месте среди народов будущей тоже федеративной России.

Мы дальше увидим, что организация войсковых частей на Терке несколько не улучшилась в течение последних трех с половиной месяцев, а дух, между тем, упал под влиянием и большевистской агитации и ссор и распрей среди членов казачье-крестьянского совета. К этому еще надо прибавить недружелюбное отношение высших казачьих начальников к русским офицерам-неказакам, выразившееся в недопущении этих офицеров в казачьи части, а, между тем, офицеров в этих частях, можно сказать, совершенно не было ... Казачьи офицеры все почти пристроились по штабам»⁴¹.

³⁷ Там же. С. 8.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 21 об.

³⁹ Там же. Л. 22.

⁴⁰ В документе — воспользовалась.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 24 об.

Штабную работу Мадритов также оценивал критически: «В то время, как в штабах сидели люди едва полуграмотные, в станицах проживали офицеры Генерального штаба без всякого дела, и когда они являлись и предлагали свои услуги, не считаясь с чинами и должностями, им резко отказывали. Работа в штабах совершенно не шла, никакой разведки почти не велось, не сумели снабдить войска даже какими-либо картами. Помню, когда понадобилось взять в штабе командующего войсками Н. [К.] Федюшкина карту, то оказалось, что там всего лишь и имеется одна карта»⁴².

6 августа казаки атаковали Владикавказ. Инициатором нападения был Генерального штаба полковник С. В. Соколов, который позднее предложил кандидатуру Мадритова на пост командующего⁴³. Во время нападения Мадритов с полковником Пиотровским был задержан красноармейцами в гостинице Гранд-отель в 5.30 утра. Офицеров вывели на расстрел, но в суматохе задержанные смогли бежать и скрылись в Верхне-Осетинской слободке у знакомого Мадритову с Русско-японской войны осетина⁴⁴.

Бои в городе продолжались двенадцать дней. 14 августа 1918 г. датировано обращение председателя временного исполнительного комитета Терского областного народного совета эсера И. Семенова к Мадритову: «В соединенном заседании Исполнительного комитета с представителями город[ского] самоуправления, самообороны и пол[ковником] Соколовым сего числа постановлено организовать добровольческий отряд из граждан г. Владикавказа для защиты города, а равно в интересах единства управления сосредоточить командование всеми военными силами, подчиняющимися областному народному совету в одних руках. Пост командующего войсками предлагается Вам.

В виду изложенного комитет просит Вас пожаловать для переговоров в здание Городской Думы по возможности не медля по получении настоящего сношения»⁴⁵.

В тот же день Мадритов был назначен командующим всеми вооруженными силами Терской республики⁴⁶. Относительно обстоятельств, при которых поступило это предложение, Мадритов вспо-

⁴² Там же. Л. 25.

⁴³ Там же. Л. 29.

⁴⁴ Там же. Л. 27 об. — 29.

⁴⁵ Там же. Л. 48.

⁴⁶ Там же. Л. 49.

минал: «На 10-й день⁴⁷ я получил предложение от Врем[енного] исполнит[ельного] комитета принять командование над всеми отрядами, как в городе, так и во всей Терской области — оказывается это было сделано по предложению полковника Соколова»⁴⁸.

Мадритов согласился. Свои мотивы он впоследствии изложил следующим образом: «Я, получив уверение, что прибывают подкрепления, прибывают орудия и снаряды, полагая, что связь с командующим казачье-крестьянскими войсками налажена, решил принять это предложение, однако предупредив, что я оставляю за собой право во всякий момент покинуть предлагаемый мне пост. Сделал это я не по той причине, которую мне хотели приписать, то есть на случай встречи с войсками Алексева, коего считали предводителем контрреволюционных сил, а просто видя, что среди казачьих частей нет пока никакой внутренней связи, наоборот, существует несколько противоположных течений и взглядов на совершающиеся события»⁴⁹.

Однако вскоре выяснились удручающие реалии: «Прибыв в штаб отряда (на 10-й день операции) я старался в тот же день узнать, каковы силы казачьих отрядов во Владикавказе. Только к вечеру я кое-что мог узнать о правом отряде полковника [Н. Ф.] Рошупкина, ничего не узнал о силах осетин, действовавших в центре и ничего о силах полковника [И. Н.] Беликова на левом фланге. На десятый день операции пришлось формировать сначала команду связи, без каковой, конечно, немыслимы военные действия, особенно в городе...

Кто-то говорил, что полковник [А. Д.] Данильченко около города, кто говорил в Архонке, что полковник [Н. К.] Федюшкин посылает какие-то подкрепления, но ничего определенного не было. Вечером на десятый день были собраны начальники, написан приказ о наступлении на утро в 6 часов утра, но этот приказ так и не был исполнен; накануне, как и во все, оказывается, дни, наступавшие днем осетины и казаки, заняв некоторое пространство, вечером уходили: одни (осетины) к себе на слободку (большей частью на грабеж), другие (казаки) — на левый берег реки Терека;

⁴⁷ Мадритов пишет о десятом дне боев за Владикавказ, однако его назначение состоялось 14 августа, то есть на девятый день операции.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 29.

⁴⁹ Там же.

артиллерия со своим прикрытием — на Черную речку (12 вер[ст] от города)»⁵⁰.

Политическая обстановка также оставалась крайне смутной. Мадритов позднее отмечал: «Не только на десятый день мне не удалось выяснить, но и теперь я не в состоянии себе представить взаимоотношения: 1) казачье-крестьянского совета, 2) командующего казачьими войсками полковника [Н. К.] Федюшкина, 3) полковника [А. Д.] Данильченко, 4) полковника [С. В.] Соколова, 5) полковника [Н. Ф.] Рошупкина и 6) [И. Н.] Беликова — все было сумбурно-темно»⁵¹.

Разумеется, подобный способ ведения боевых действий с уходом по домам привел к неудаче. Красные заняли отбитое у них здание совдепа и установили в нем пулеметы. Мадритов приказал атаковать здание, но никаких действий подчиненные ему силы не предприняли. Более того, казаки стали покидать Владикавказ. Мадритов считал, что они не хотели воевать. На самом деле в это время казачьи станицы были атакованы ингушами, которым СНК Терской советской республики разрешил окружить восставшие казачьи станицы⁵². Разумеется, казаки потянулись на защиту станиц. В городе остались в основном офицеры-добровольцы, что привело к перелому операции в пользу превосходивших численно красных.

Вечером 17 августа Мадритову со 160 офицерами пришлось покинуть город. Отход производился в станицу Архонскую и селение Гизель. Генерал отмечал: «Я хотел перейти только на левый берег реки и назначил стоянку штаба в школе прапорщиков, надеясь, что не все еще пропало, что мне удастся собрать хоть часть казаков на левом берегу у деревянного моста, но нигде казаков не оказалось»⁵³.

18 августа генералу предписали отправиться в Моздок в Терский казачье-крестьянский совет для организации воинских частей⁵⁴. Мадритов отмечал: «Отдав приказ о формировании офицерских сотен как кадра для полков 21-й пехотной дивизии, назначив общего начальника им полковника [Б. Н.] Литвинова, я выехал в Моздок. Узнав и здесь обстановку, узнав, что Бичерахо-

⁵⁰ Там же. Л. 29–29 об.

⁵¹ Там же. Л. 29 об.

⁵² Бурда Э. В. Терское казачье восстание. С. 333–334.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 30 об.

⁵⁴ Там же. Л. 50.

ву желательно объединить войска казаков и осетин под руководством опытного, как он говорил, политика, генерала [А. П.] Фидарова, известного туркофила, я на станции Котляревской заявил Бичерахову и всем членам правительства, что в их победу над большевиками совершенно не верю при той политике и приемах, какие они себе наметили и ушел с поста»⁵⁵.

Для некоторых участников командование Мадритова осталось практически незамеченным. Так, подъесаул Д. С. Писаренко отмечал, что «во Владикавказе заседал областной народный съезд... С первого же дня он стал предъявлять Соколову одно за другим требования. Не желая нарушать видимость покорности народной власти, Соколов кое-какие из требований выполнил, и в том числе требование о передаче командования в руки избранному съездом генералу Мадритову. Но фактически власть оставалась в руках Соколова, пока обозначилась необходимость оставления города, когда и передача власти, и сам Мадритов оказались ненужными»⁵⁶.

Однако были и те, кто оценивал кратковременную деятельность Мадритова резко негативно. Именно такой отзыв оставил упоминавшийся Мадритовым полковник Б. Н. Литвинов. По оценке последнего, Мадритов, «не успев сформировать у красных 21-ю дивизию, перешел в стан белых и выявился в Ардоне, уйдя вместе с настоящими бойцами из Владикавказа. К сожалению, его имя стало настолько ненавистно господам офицерам вообще и вверенных мне групп в особенности, считавших его скрытым большевиком, что пришлось посоветовать [Н. К.] Федюшкину убрать его»⁵⁷.

Еще из Владикавказа Мадритов отправил офицера Звягина для связи с Добровольческой армией. Посланец смог добраться до штаба армии и сообщить о положении в Терской области. Позднее Мадритов пытался установить постоянную связь, но, по его свидетельству, лидеры Терской республики не проявили особого стремления к этому⁵⁸. Как отмечал Мадритов, «Г. Ф. Бичерахов неоднократно на собраниях еще во Владикавказе считал генералов Корнилова и Алексеева контрреволюционерами, Добровольческую армию — контрреволюционной бандой; я лично слышал

⁵⁵ Там же. Л. 30 об.

⁵⁶ Писаренко Д. С. Терское казачество: Три года революции и борьбы. 1917–1920. Материалы и воспоминания. М., 2016. С. 286.

⁵⁷ Литвинов Б. Н. Указ. соч. С. 63–64.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 34.

от Г. Ф. Бичерахова слова, что еще неизвестно, что нам несет Добровольческая армия, что, быть может, нам (терцам) придется с ней сражаться. Я положительно утверждаю, что была большая возможность во время второго занятия города Кисловодска отрядом полковника Шкуры надавить на город Пятигорск со стороны Мариинской и Зольской и соединиться с полковником Шкурой или, по крайней мере, оказать ему содействие. Я говорил и Г. Ф. Бичерахову, и полковнику Белогорцеву, и генералу Мистулову, что главной задачей следует считать соединение через Пятигорск с Добровольческой армией и, во всяком случае, все, что возможно сосредоточить на Пятигорском фронте, — все было напрасно. Едва случался успех, о Добровольческой армии забывалось, вспоминали при неудаче. Думается мне, не мечта ли о возможности справиться на Терек своими силами с большевиками и предвкушение вслед за этим действительно создать федеративную Терскую народную республику руководили президентом Г. Ф. Бичераховым»⁵⁹.

Осенью 1918 г. Мадритов через Кабарду выехал в Добровольческую армию⁶⁰. В докладе белому командованию Мадритов предпочел не упоминать об обстоятельствах этих событий, по-видимому, в силу их болезненности для самолюбия генерала. Между тем, эти обстоятельства достаточно интересны и драматичны. Дело в том, что Мадритов уходил с Терека не один, а вместе с отступавшими на Кубань, по горным перевалам, на соединение с Добровольческой армией, повстанцами. Эти силы получили наименование Терского сводного (соединенного) отряда. 220-верстный Кабардинский поход проходил с 13 по 22 ноября 1918 г.

Командование отрядом принял генерал-майор Д. Ф. Левшин, начальником штаба стал Мадритов. Однако назначение последнего вызвало ропот. По свидетельству участника похода Б. Н. Литвинова, «офицеры, знавшие его [Мадритова] деятельность по Владикавказу, заволновались, явно не доверяя ему. Это в большой мере осложнило внутреннюю обстановку в отряде»⁶¹. Вскоре к Литвинову «явились старшие офицеры от всех четырех отрядов и доложили, что бойцы настолько не верят генералу Мадритову, что считают пребывание его на посту начальника штаба отряда

⁵⁹ Там же. Л. 34 об. — 35.

⁶⁰ Там же. Л. 37.

⁶¹ Литвинов Б. Н. Указ. соч. С. 134.

совершенно невозможным и что могут последовать эксцессы»⁶². В итоге 13 ноября вместо Мадритова начальником штаба отряда стал генерал-майор В. Н. Гусаковский.

Как свидетельствовал другой участник событий, К. А. Чхеидзе, «шли по местам гористым, безлюдным и бесплодным. Продовольствия отряд не имел. Питались случайно. Фуражное довольствие было лучше. Часто попадались стога сена, но не овса. Осень в горах переменчива. Днем бывает жарко. А ночью иногда разыгрываются бури со снегом и т. д. Вследствие голода, холода и утомительных переходов несколько офицеров батальона полковника Литвинова умерли на дороге. Их, кажется, даже не похоронили. Двигался отряд очень медленно. Тяжелая горная дорога, присутствие обозов, беженцев и артиллерии объясняют это. На подъемах и спусках работали люди не меньше лошадей. В некоторых местах приходилось чуть не строить дорогу, накладывать мосты. Были больные и раненые, но медицинской помощи не было. Женщинам, детям, старикам — словом, беженцам приходилось много страдать»⁶³. Действия штаба отряда очевидец оценивал критически: «Штаб не уставал рассылать приказы огромной величины ... Приказы напоминали знаменитые, так зло и умно осмеянные графом Л. Н. Толстым австрийские диспозиции. Предусматривалась мельчайшая подробность, чуть ли не указывалось, где и кому рыть отхожие “ровки” для дам и мужчин. Штаб, разумеется, по соображениям высшей справедливости назначал в авангард, арьергард и т. д., то одну часть, то другую: по очереди. Надо знать, что на этих дорогах, по которым двигался отряд, с трудом могут разминуться две обыкновенные балкарские арбы. Волей и больше неволей начальникам частей приходилось приказы не исполнять или исполнять в видоизмененном порядке. Штаб не особенно следил за исполнением своих распоряжений. Предполагалось, очевидно, что распоряжения, их высокая качественность, будут оценены историей»⁶⁴.

Описание похода Б. Н. Литвиновым совпадает с приведенным выше: «Путь был ужасный; черноземно-глинистая дорога раскисла, волы падали; масса речушек и речек преграждали дорогу; ведь

⁶² Там же. С. 135.

⁶³ Чхеидзе К. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде // Заурбек. Книга о З. А. Даутокове-Серебрякове. Нальчик, 2016. С. 227–228.

⁶⁴ Там же. С. 228.

это был Северный Кавказ в октябре! Мостов через них никаких не было; вброд они были глубоки, но повозки с трудом через камни в некоторых местах проходили. Получалась пробка; в холодной со снежком струе лошади застывали и безнадежно останавливались.

Так проползли мы две-три речки, первые от Нальчика, и речку Шалушку. Пехоте приходилось перебираться по арбам и повозкам. Двинулись к более страшной реке Чегему. Естественно, растянулись, повозки с беженцами убивающе застревали и тормозили движение. А выстрелы сзади и справа, как будто, приближались»⁶⁵. Мадритов в этом походе запомнился Литвинову фуражкой с красным околышем⁶⁶.

В конце 1918 г. Мадритов находился в столице белого Юга — Екатеринодаре. В сопроводительном письме к докладу, адресованном генералу А. М. Драгомирову от 16 (29) декабря 1918 г., Мадритов писал:

«Прошу извинения, что задержался с[о] своим докладом, но сильно был болен. Голый и босый шел с Терека и простудился (большевики разграбили все мое имущество — тыс. на 80).

Пишу в докладе правдиво все, что видел, не желая что-либо преувеличивать или скрывать...

Если бы понадобился — готов служить, как привык — верой и правдой»⁶⁷.

Таким образом, Мадритов предложил свои услуги Добровольческой армии. Насколько можно судить, на службу Мадритова не приняли, а его просьба не отличалась настойчивостью. Возможно, сказался негативный опыт вовлечения в Гражданскую войну летом 1918 г.

Данные о деятельности Мадритова в 1919–1920 гг. отрывочны. Вероятнее всего, он жил на занятой белыми территории как частное лицо. Себе в заслугу он позднее ставил спасение от белого террора в Железноводске в 1919 г. 25 коммунистов, позднее из севастопольской тюрьмы Мадритов вывел двух коммунистов⁶⁸. Кро-

⁶⁵ Литвинов Б. Н. Указ. соч. С. 128.

⁶⁶ Там же. С. 127, 131.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11об.

ме того, во Владикавказе в 1918 г. Мадритов сохранил от разграбления белыми госбанк.

В советском послужном списке отмечено, что 23 ноября 1920 г., «по занятии красными войсками Крыма, поступил в [Севастопольский] военный комиссариат сначала по снабжению, а затем [на] пост военного руководителя»⁶⁹. Удивительно, что знаменитый генерал не попал под маховик печально известных крымских расстрелов 1920–1921 гг. 27 мая 1921 г. приказом по севавтопольскому уездному военкомату № 147 он был уволен от службы⁷⁰.

По данным правнука Мадритова Ю. Ю. Мажурина, в 1919 г. генерал женился на Галине Леонидовне Григорьевой, которая была гораздо моложе самого Мадритова (в послужном списке на март 1924 г. указано, что ей 28 лет⁷¹). По данным семьи, Галина Леонидовна родилась в 1903 г., причем Ю. Ю. Мажурин успел застать ее в живых. Скончалась она в Баку в 1980 г. В Севастополе у Мадритова родилась дочь, которую также называли Галиной (по данным Ю. Ю. Мажурина, в ночь с 31 декабря 1919 г. на 1 января 1920 г.; по данным послужного списка, на март 1924 г. ей было 5 лет). Других детей у Мадритова не было (позднее он усыновил внука). Старшая сестра супруги Мадритова, Валентина, была замужем за полковником В. Н. Зарубаевым (1880–1972), ставшим военным специалистом РККА.

В записке о службе Мадритов впоследствии указал, что служил в Красной армии военным руководителем севавтопольского военного комиссариата⁷², затем был «начальником штаба Южной группы Трудовой армии Украины (тогда же был приглашен севавтопольским окружным зем[ельным] отделом для приведения в порядок и правильной постановки землеустройства в округе)»⁷³. В послужном списке отмечено, что должность начальника штаба он занимал с 1 июня по 1 ноября 1921 г.⁷⁴ Затем в послужном списке указано — «отзыв ком. группой № 929» по 15 октября 1921 г.⁷⁵ К сожалению, не поясняется, что подразумевалось

⁶⁹ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 1об.

⁷² РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁷³ Там же.

⁷⁴ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3.

⁷⁵ Там же.

под этой фразой. По всей видимости, Мадритова отозвали командовать группой.

С 6 декабря 1921 г. Мадритов служил помощником начальника оперативной части штаба приморской крепости Севастополь. В тот период он составил проект организации пограничной стражи на берегах Черного моря. Кроме того, был организатором и заведующим хозяйственно-коммерческой части парусно-моторного общества в Севастополе.

Позднее, 13 декабря 1922 г., Мадритов прибыл в штаб войск ГПУ Украинского военного округа и зачислен в штатный резерв комсостава по должности начальника оперативной части, а 8 сентября 1923 г. был назначен на должность начальника отдела инспекции штаба с исключением из списков резерва⁷⁶. 10 июля 1923 г. «за интенсивную работу по проведению учебного сбора старшего ком[андно-]адм[инистративно-]хоз[яйственного] состава войск округа и за участие свое на съезде в качестве лектора» награжден отрезом сукна на костюм⁷⁷. После реформирования штаба по новым штатам Мадритов 21 сентября получил назначение инспектором внутренних частей войск ГПУ округа, а 18 октября того же года при реорганизации штаба в окружную инспекцию войск ГПУ Украинского пограничного округа его перевели в штатный резерв назначения старшим инспектором⁷⁸. Как позднее свидетельствовал сам Мадритов, при штабе войск ГПУ Украинского военного округа он организовал торговый отдел, а, кроме того, был начальником школы пограничной охраны⁷⁹.

5 февраля 1924 г. Мадритова откомандировали в распоряжение начальника штаба Украинского военного округа, куда он прибыл и 29-го получил предписание отправиться в распоряжение начальника штаба 6-го стрелкового корпуса для допущения к исполнению должности помощника начальника штаба корпуса⁸⁰. Новую должность Мадритов занял 4 апреля 1924 г. Позднее он отмечал, что являлся якобы начальником штаба 6-го корпуса в Одессе, но в действительности свою должность бывший генерал завысил. Тем более, что должность помощника начальника штаба корпуса под-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁸⁰ РГВА. Ф. 37 976. Оп. 8. Д. 17141. Послужной список 327–778. Л. 3 об.

тверждается в независимых источниках — списке лиц командного состава РККА, окончивших академии в старой армии (по данным на октябрь 1926 г.)⁸¹, а также в картотеке лиц командного состава, хранящейся в РГВА. Наконец, 20 мая 1924 г. Мадритов демобилизовался по предельному возрасту. Уволен в запас по возрасту он был с зачислением в запас по городу Харькову с 19 апреля 1924 г.

Мадритов упоминался и в «Книге учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины». Отмечалось, что он проживал на территории белых, в 1920 г. был взят на учет Харьковской ЧК и проживал в Харькове (Екатеринославская улица, 22)⁸².

Местопребывание бывшего генерала не менялось, по крайней мере, до 1924 г. О дальнейшей его жизни и деятельности свидетельствует обнаруженное нами письмо Мадритова председателю ЦИК СССР Н. Н. Нариманову от 27 февраля 1924 г.:

«Екатер[инославская], 22, кв. 17

Харьков

27/II 1924 г.

Многоуважаемый Нариман Нариманович⁸³.

Простите за беспокойство! Вы, вероятно, помните Автонома Ивановича Победоносцева, директора Бакинской классической гимназии. Пишет Вам брат жены А. И. — Александр Семенович Мадритов, бывший генерал-лейтенант Генер[ального] штаба. 4 года служил в Красной армии и последний год был инспектором войск ГПУ Украинского округа. Теперь мне предлагают должность помощ[ника] нач[альника] штаба корпуса в Александровске⁸⁴, но жить на два дома мне невыносимо. На моих руках жена, ребенок, мать моя 78 л[ет], сестра моя (вдова А. Ив.) 56 лет и 2 племянницы, вдовы с 2 детьми. Хотелось бы быть поближе к Железноводску, где-либо в Ростове, Пятигорске на любой должности. Я окончил

⁸¹ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158.

⁸² Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2012. Т. 3. С. 1126–1127.

⁸³ На первой странице печать ЦИК СССР с датой регистрации письма 14 марта 1924 г. № АУ8/11. На документе резолюция: Имею ввиду. Если нужна будет рекомендация, сослаться на меня. Н. Нариманов. 5/III 1924.

⁸⁴ Речь шла о штабе 7-го стрелкового корпуса, расположенном в Запорожье (бывшем Александровске).

высшее учебное заведение, заведовал большими лесными делами, торговым делом России с Маньчжурией⁸⁵ и Монголией, открыл в Маньчжурии и разрабатывал угольные копи, основал в Маньчжурии пароходное дело. Есть и знания и опыт. Могу служить всюду, где буду полезен, если должность будет давать возможность хотя скромно поддерживать моих стариков. Мне 54 года, я здоров и могу работать без отказа. У белых никогда не служил. Служил в Красной армии не за страх, а за совесть. В старой армии без протекции, без знакомств, но только своим знанием и трудом дошел до должности командующего войсками — был в трех войнах. Сын человека, который 9 лет ходил рядовым и 7 лет офицером. Только благодаря Георгиевскому кресту отца принят был в кадетский корпус.

Все силы, знания и опыт приложу, чтобы принести пользу. Если будете так добры сделать что-либо по существу этого письма, буду бесконечно благодарен, а за меня краснеть Вам не придется.

Уважающий Вас А. Мадритов

Адрес: г. Харьков. Екатеринославская, 22, кв. 17. Александру Семеновичу Мадритову.

Еще раз прошу извинения за причиняемое беспокойство»⁸⁶.

Н. Н. Нариманова Мадритов знал около тридцати лет⁸⁷. Нариманов, насколько можно судить по его резолюции на документе, попытался помочь старому знакомому. После письма бывшего генерала ЦИК СССР запросил Особый отдел 7-го стрелкового корпуса в Александровске, куда предполагалось назначение Мадритова⁸⁸. Впрочем, в Особом отделе о Мадритове сведений не имели. Впоследствии Мадритов подчеркивал, что имел письменную рекомендацию от Нариманова⁸⁹. Высокий покровитель Мадритова скончался в марте 1925 г., поэтому в дальнейшем Мадритову приходилось обращаться за помощью к другим партийным деятелям. Из письма следует, что у Мадритова была большая семья из восьми человек, которую он должен был обеспечивать. Материальное

⁸⁵ Китайцы меня знают отлично во всей Маньчжурии с самой хорошей стороны. Знаю хорошо Цзянчжолина [Чжан Цзолия] — нам[естника] Маньчжурии. Знаю хорошо Закавказье, Туркестан (*примеч. А. С. Мадритова*).

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 372. Л. 1–2.

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11 об.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 372. Л. 4.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11 об.

положение бывшего генерала в тот период оставалось крайне затруднительным.

Демобилизовавшись, Мадритов уехал в Азербайджан и устроился (по данным на октябрь 1926 г.) на должность заведующего отделом местного хозяйства и землемера в Кубинском уездном исполнительном комитете⁹⁰. Позднее заведовал отделами в Казахском и Кировабадском коммунхозах (управлениях коммунального хозяйства). В последнем с 1928 г. поднял промышленно-финансовый план на 1680%, ежегодно получал премии, а отдел считался лучшим⁹¹. Мадритов имел право преподавания геодезии до 8-го класса, русского языка, истории и географии.

В 1925 г. в городе Хачмас побывал М. В. Фрунзе. Тогда он лично просил представителя Азербайджанской ССР предоставить Мадритову персональную пенсию, но выполнили эту просьбу лишь через двенадцать лет. По всей видимости, знакомство Мадритова с Фрунзе относилось к периоду их совместной службы в начале 1920-х гг. на Украине (с декабря 1920 г. по март 1924 г. Фрунзе командовал Вооруженными силами Украины и Крыма, работая в Харькове). 7 апреля 1937 г. постановлением СНК Азербайджанской ССР № 2371 Мадритову была установлена пожизненная персональная республиканская пенсия в размере 300 руб. в месяц⁹². Назначению пенсии предшествовало обсуждение на заседании президиума Кировабадского горсовета 23 февраля 1937 г. в связи с заявлением заместителя заведующего земельно-плановым отделом управления коммунального хозяйства Мадритова на имя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова.

Насколько можно судить, Мадритов, не имея возможности решить пенсионный вопрос на месте, написал Ворошилову. В горсовете обсуждали ответ адъютанта наркома о выдаче Мадритову, учитывая его материальное положение, единовременного пособия в 1 000 руб. из резервного фонда горсовета. Кроме того, горсовет, «учитывая заслуги тов. Мадритова в деле организации Красной армии в первые годы революции, проводимую им работу по строительству Вооруженных сил и организации охраны границ республики, а также указание покойного Наркомвоенмора СССР

⁹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁹² Там же. Л. 10.

тов. М. В. Фрунзе об установлении тов. Мадритову персональной пенсии — просит Совет народных комиссаров Аз[ербайджанской] ССР установить с 1/1-[19]37 года тов. Мадритову персональную пенсию в размере 500 руб. в месяц»⁹³. Впрочем, о каких заслугах перед Красной армией служившего в Гражданскую войну в антибольшевистских формированиях или уклонявшегося от вовлечения в конфликт Мадритова шла речь, не пояснялось. В конце концов Мадритов стал персональным пенсионером республиканского значения, но СНК Азербайджанской ССР урезал ему пенсию с 500 до 300 руб.

Благодаря архиву графа А. А. Игнатъева сохранилось еще несколько документов Мадритова, относящихся к советскому периоду. Когда в журнале «Знамя» в 1939–1940 гг. вышли в первой редакции воспоминания Игнатъева «Пятьдесят лет в строю», Мадритов с ними ознакомился и написал автору резкое письмо. Переписка двух генералов сохранилась в Российском государственном архиве литературы и искусства и представляет значительный интерес.

Возмущение Мадритова вызвала первоначальная редакция воспоминаний Игнатъева, в которой тот писал:

«Была у нас войсковая разведка — конные отряды генерала Мищенко и полковника Мадритова... Полковник Мадритов уже давно действовал на лесных концессиях у реки Ялу. Куропаткин дважды требовал увольнения со службы этого проходимца, но даже военный министр был бессилен против него, потому что Мадритов был протеже Безобразова. Мадритов кружил в районе к северу от Мищенко, где никогда никаких японцев не было»⁹⁴.

Позднее Игнатъеву под напором Мадритова пришлось внести коррективы в этот текст.

В архиве Игнатъева сохранилось письмо заместителя главного редактора журнала «Знамя» А. К. Тарасенкова на бланке журнала, датированное 29 января 1941 г.:

«Дорогой Алексей Алексеевич!

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю // Знамя. 1940. № 10. С. 16–17.*

Один из упомянутых в Вашей книге персонажей — Мадритов — прислал в редакцию “Знамени” большое полемическое письмо на Ваше имя с просьбой передать Вам его, так как он не знает Вашего адреса. Пересылаю Вам это письмо, очень раздраженное по форме.

Если откинуть эту раздраженность, может быть все-таки следовало бы ответить Мадритову, так как он служил в Красной армии и вел себя как будто бы неплохо (это явствует из приложенных им документов).

С тов[арищеским] приветом Ан. Тарасенков»⁹⁵.

К письму прилагался запечатанный конверт с объемным письмом Мадритова Игнатьеву от 21 января 1941 г., отпечатанным на машинке:

«Б[ывший] граф А. А. Игнатьев!!

Туркменская поговорка говорит: “Живые рассказы имеют свидетелями или умерших или отсутствующих”. К моему несчастью я еще жив и могу ответить Вам. Сказал я к несчастью, т. к. моя жизнь в обстановке и материальной и духовной очень тяжела (чтобы не сказать невыносима). Скажите, граф, для чего Вам надо было непременно постараться замарать мое имя, для чего Вам надо было сказать ложь. Статс-секретаря Безобразова я в первый раз в жизни увидел в стенах Офицерской кавалерийской школы, куда я был по своей просьбе командирован после Боксерского восстания.

Приехавши ко мне 19 декабря 1902 года гр[аф] Безобразов заявил мне: “С одобрения правительства создается лесопромышленное т[оварищес]тво в Маньчжурии для использования концессии Бринера по разработке лесов на р. Тумень-Ула и Ялу. Что нужно как можно скорее начать эксплуатацию лесов и получить концессию от китайского правительства. Во главе этого дела на месте т[оварищес]тво решило поставить Вас как знатока Восточной Маньчжурии и Кореи и как пользующегося любовью населения и авторитетом у китайских властей”. Далее гр[аф] Безобразов заявил мне, что я буду вызван к военному министру, с коим все обсуждено.

Действительно, 28 декабря 1902 года я был вызван к А. Н. Куропаткину, который сказал мне: “По воле государя Вы командуетесь в Порт-Артур в распоряжение адмирала Алексева и станете во гла-

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 2.

ве Русского лесопромышленного товарищества. Уехать Вы должны как можно скорее”.

Вы, граф, на балу в Зимнем дворце не могли отказаться от мазурки с великой княжной Ксенией Александровной, как же я мог послушаться повеления государя. Получив предписание, я 29 декабря 1902 года выехал в Порт-Артур, организовал контору и начал действовать. Что я сделал, Вы увидите из прилагаемой при сем записки. В августе месяца 12–15 числа в Артур прибыл из Японии А. Н. Куропаткин и заявил мне, что в Японии считают, что лесопромышленное товарищество — это государственное предприятие, т. к. во главе стоит подполковник Генерального штаба и предложил мне или выйти из товарищества или подать в отставку. Я сказал ему, что он сам направил меня на это место и, конечно, после его слов уйду из товарищества. 10 сентября я, съездив в Петербург и сдав дела товарищества, перешел на службу в штаб заместителя, а в октябре 1903 года высочайшим приказом назначен был начальником штаба 7 Сибирской стрелковой дивизии. После 10 сентября я никогда больше не видел ни Безобразова и никого из других деятелей товарищества. Таким образом, Ваша, граф, первая часть обвинения меня отпадает.

Вторая часть также не верна. Генерал Мищенко со своей дивизией (Забайкальской) направлен был в начале войны в Корею через Ялу к Аньчжу и Пиньяну, я же с летучим отрядом своего имени, организованном генералом Линевицем только в половине марта, [должен был] двинуться в Корею через г. Хуаньженьсян и Татунгоу, чтобы, проникнув, по возможности, южнее, произвести разведку в районе Аньчжу, Гензана, узнать, что там происходит. 10 апреля я перешел р. Ялу с отрядом в 400 шашек и 200 человек конных стрелков и 28 апреля имел уже непреднамеренный бой с японцами у г. Аньчжу⁹⁶. Об этом в газете “Новое время” в корреспонденции из Лондона (в мае 1904 года) писалось, что конный отряд русских появился у г. Аньчжу в тылу у японцев (Куроки в это время переправился уже через р. Ялу в Маньчжурию), что отряд в среднем делал по горным тропинкам 40–50 верст в сутки. Разведав все, что мне было поручено, собрав все сведения по дороге на Пиньян, побывав на окраинах Гензана, я с 49 ранеными (15 было убито) вернулся на левый фланг нашей армии и стал у г. Хуанженянь; здесь я все время охранял ле-

⁹⁶ См. «История русско-японской войны Апушкина стр. 58 и 118» (примеч. А. С. Мадритова).

вый фланг армии, имея постоянные бои и стычки сначала с войсками г[енерала] Куроки, а затем г[енерала] Кавамуры.

Никогда такого случая не было, чтобы г[енерал] Мищенко действовал на юге, а я был севернее его. Отряд мой за войну то увеличивался до 15–18 сотен 2-х полков, — 20 орудий, то уменьшался до 10 сотен и батальона при 8–10 орудиях. Действия мои здесь облегчались тем, что я отлично знал местность, и население относилось ко мне доверчиво, дружелюбно, т. к. еще с 1900–1901 г., постоянно действуя здесь против хунхузов, я⁹⁷ помог китайцам обсеменить их поля, приобрета⁹⁸ для них до 45 т[ысяч] пудов семян.

Китайцы возвратили деньги и 30 крупнейших селений Маньчжурии избрали меня своим почетным судьей, а в г. Ляояне после 1901 г. была названа та улица, где когда-то я останавливался, “Мадритовской” (см. Исторический вестник за 1907 г. “Пролог Русско-японской войны” Глинского). После Ляояна я получил из штаба ген[ерала] Куропаткина просьбу составить схему местности к северу от широты Ляояна и к востоку от меридиана Фушуньские копи. Таковую схему я составил с показанием дорог, селений, перевалов и отправил в штаб армии. Я со своим отрядом всегда стоял впереди фронта армии и после мукденских боев⁹⁹ забыт был с отрядом всеми, никто не сообщил мне, что армия отступает к Телину, я остался в тылу у японцев и мне с большими жертвами и опять-таки благодаря знанию местности [удалось] выйти из окружения, пробившись к г. Тунхуансян, уже занятому¹⁰⁰ японцами. Снова я стал впереди генерала Ренненкампа, стоявшего на Хайлунченских позициях, а я — у с. Кушандцы в 85 верстах к югу от Хайлупчена. В августе м[еся]це перед самым перемирием мною был захвачен г. Тунхуансян, где я взял в плен 2 роты японцев. О моей деятельности в Японскую войну можно прочесть и в газетах и в истории войны и др[угом] (см. в [газете] Новое время статья ротмистра Ельца, книга Козлова “В тылу у японцев”, его же книга “Военные рассказы”, Краснова статьи и др[угих], а генерал Кордонье, начальник французской военной академии, посвятил мне целую главу в своей книге “Японцы в Маньчжурии” (на французском языке)).

⁹⁷ В документе — и.

⁹⁸ В документе — приобрев.

⁹⁹ Далее от руки ошибочно вписано — был.

¹⁰⁰ В документе — занятый.

О боевых моих действиях в войну 1900–1902 (боксеры)¹⁰¹ см. “Разведчик” 1901 г. № 568, 570, 572, 573. Ни одна экспедиция ни в Восточной Маньчжурии, ни в Монголии не проходила без участия отряда есаула Мадритова (потом — подполковника Генер[ального] штаба).

Дальнейшая моя военная карьера была только в строю — нач[альник] штаба 7[-й] кавал[ерийской] дивизии, к[оманди]р 30[-го] пехотного] Полтавского полка, командир 1[-й] бригады 5[-й] Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, начальник 56[-й] пехотной дивизии и атаман Семиреченского войска и к[оманди]р отдельного корпуса, который был предназначен из Туркестана в Персию (к ген. Баратову).

В Империалистическую войну под Лодзью ген. Шейдеман (к[омандующий] 2^я арм[ией]) поручил лично мне, бригадному, с начала боев под Лодзью до окончания их (22 дня) командование 2[-м] Сибирским стрелковым корпусом при наличии в штабе корпуса и командира корпуса ген. Сычевского, и начальника 4[-й] Сибирской стрелковой дивизии г[енерала] Крузе. Приняв 56[-ю] пехотную дивизию, прозванную даже немцами “Занеманским беговым обществом”, я в течение 1 месяца сделал из дивизии славную боевую часть, которую посылали и на другие фронты, где была неустойка (прочтите г[енерала] Свечина, Лемке, “Вооруженный пролетариат” № 1 и 2–1922 года, книгу Д. Смолина, где мне посвящена глава (кн[ига] “Триумфальное шествие”)).

За свою действительно строевую службу я участвовал лично в 285 сражениях, боях и стычках, награжден всеми орденами от “Анны 4-ой” до Белого Орла и все с мечами, за военные отличия. В мирное время мне не удавалось ладить с начальством, и ни одного ордена в мирное время я не получил.

У меня имеются несколько писем от генерала Куропаткина, очень для меня лестных. Между прочим, приглашая меня служить с ним в Туркестане в 1916 году, он писал в телеграмме: “Прошу о назначении Вас в Туркестан. Край взволнован, потрясен. Требуются ум, твердая воля, умение завоевывать сердца. Все это имеется у Вас вместе с моим доверием и уважением. А. Куропаткин”.

Моя служба Сов[етской] власти изложена в приложении к сему. Я несказанно был удивлен, зная Вас, зная Вашу службу по военно-

¹⁰¹ Правильно — 1900–1901 гг.

дипломатической части (воен[ным] атташе) Вашим выпадом против меня; Вы, как состоявший в штабе Маньчжурской армии, должны были быть знакомы с обстановкой и службой армий, корпусов и отрядов и сказать, что Мадритов стоял севернее г[енерала] Мищенко и не видал японцев — для меня это совершенно непонятно. Почтенный отец Ваш учил Вас: “Пиши только правду” (см. Ваш труд), но Вы забыли это наставление, и я полагаю, что Ваши предки, смотревшие на Вас со стен Зимнего дворца, покраснели бы в своих рамах за Вашу неосторожность.

Для меня Вы сделали жизнь невыносимой, и это на 72 году жизни, после верной и честной службы в течение 54 лет Родине, т[ем] б[олее] это тяжело, что некое учреждение высокое (Собес) отнеслось к нему с легкомысленной серьезностью, упрекнув меня в том, что пользовался особым доверием царского правительства. На самом деле я могу вместе с поэтом Беранже сказать: “Я не имел никогда ничего общего с бытом и психологией аристократических раззолоченных клеток”. Всю свою жизнь военную я провел на окраинах вдали от “суеты придворной”; все чины и ордена заслужил честно в бою, не имея ни связей, ни покровителей. Полагаю, что Ваши фразы обо мне могут быть объяснены только лживыми рассказами некоторых Ваших товарищей по Генштабу, кои не могли простить “высочке из низов”, что этот высочка обогнал их в чинах. В 1906 г. Столыпин предлагал мне должность градоначальника г. Баку, а Воронцов-Дашков (наместник Кавказа) — должность генерал-губернатора Кутаиси. Мне, полковнику 36 лет, давали возможность получить высокое генеральское положение, что вскружило бы голову другим, но не мне. Я наотрез отказался, и за это лишен был возможности получить даже скромную должность на Кавказе.

Между прочим, Вы поднимаете в Вашей статье вопрос, кто виноват в исходе войны с Японией? Совершенно согласен с Вашим кучером — виноваты генералы, не бывшие в состоянии отбросить распри и зависть, даже защищая Родину, а, во-вторых, конечно, виноваты офицеры Генерального штаба, находившиеся в штабе армии, смеявшиеся и трунившие над распоряжениями, выработанными по их докладам; в самые серьезные моменты войны они находили возможным только составлять плоские стишки и песни. В то время, как армии отступали, когда измучившиеся солдаты изнемогали от лишений войны, чины штаба распевали:

“А на Сунгари, ах, что-то будет
Вода прибует —
А где же мост?”

“Над кем смеетесь, над собой смеетесь” Гоголь.

Перепутывание, дробление частей, разношерстные отряды, в чем виновен, конечно, Алексей Николаевич¹⁰², все же не имели бы такого скверного результата, если бы офицеры Генер[ального] штаба сознавали бы все страшные, суровые последствия их личного легкомыслия.

Прошу удостоить ответом на это мое письмо способом, какой подскажет Вам Ваша совесть¹⁰³.

Мадритов»¹⁰⁴.

В письме был указан адрес — Азербайджанская ССР, Кировбад, улица Касум-Исмаилова, 13.

Письмо Мадритова демонстрирует не только проявление его возмущения написанным Игнатьевым, но выдает желание почти наверняка одинокого в смысле общения с людьми ушедшей эпохи бывшего генерала выговориться, найти собеседника из своего прежнего круга. Одновременно это и попытка заслуженного, но недооцененного и забытого исторического деятеля напомнить о себе, добиться признания, подробно рассказать о своей жизни до революции, в особенности об участии в событиях на Дальнем Востоке в начале XX века. В письме множество описок, включая внесенные от руки поперх машинописи. Видимо, Мадритову уже трудно было отпечатать и отредактировать такой текст. Интересно и то, что характеристика Мадритова из книги Игнатьева не прошла незамеченной в то время даже в себе — социальные работники в 1941 г. читали мемуары. К письму прилагались различные документы о жизни и деятельности автора послания. Заявленная переписка представляет собой едва ли не единственное личное свидетельство о советском периоде жизни Мадритова.

Игнатьев откликнулся телеграммой в три строки:

¹⁰² Куропаткин.

¹⁰³ Никогда и никто не может упрекнуть меня в каком-либо предосудительном проступке ни в служебном, ни в обществ[енном] отношениях. Моя совесть чиста. А. Мадритов (*примеч. А. С. Мадритова*).

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 3–9.

«Понимаю Ваше негодование, скорблю [за] причиненную обиду, восстановлю правду, сославшись на источники, введшие в заблуждение, пришло исправленную редакцию. Игнатьев»¹⁰⁵.

1 февраля Мадритов пишет Игнатьеву новое письмо, несколько более доброжелательное:

«т. А. А. Игнатьев! Был в отсутствии, когда была получена Ваша телеграмма. Благодарю Вас за скорый ответ. Но... должен Вам сказать, что Ваша фраза: “Сошлюсь на источники, введшие в заблуждение” меня несколько удивила. Я не знаю ни одного источника, который бы ясно, документально доказывал бы, что я сделал что-либо позорное. Нет, этого никто не писал и доказать никто не может! Ссылки же на бездоказательные факты, факты понасыльшке не могут оправдать слов обо мне в Вашем труде и повторение чужих слов без фактических данных вызовет дальнейшие действия с моей стороны, т. к. мне, конечно, необходимо добиться полной реабилитации. И это Вы легко можете сделать и тем не только не унижить себя, но, наоборот, показать себя честным, но неосторожно, несправедливо задевшим меня человеком и ген[ерал] -майором славной Красной армии. Уверен, что Вы учтете то положение, в которое поставили меня — зачем эти несчастные фразы понадобились Вам — совершенно не понимаю.

В моем письме первом вкралась неточность: А. Н. Куропаткин приехал из Японии в Порт-Артур не в августе, как я написал, а в конце июня, и я вышел из т[оварищес] ва уже в конце июля (съездив в Петербург). В ст[атье] Глинского “Пролог Русско-японской войны” много написано со слов корреспондента из г. Владивостока г. Нето и освещено многое неправильно, но сам же Глинский опровергает многое тем, что указывает время совершенных г. Балашевым безобразий, а это время показывает, что тогда я уже не был в т[оварищес] ве. Наместник посылал меня на место именно для прекращения неразумных действий Балашева.

Желал бы для того, чтобы окончить этот печальный и для меня и для Вас инцидент, чтобы Вы все же прислали мне предполагаемый Вами ответ на мое письмо.

С тов[арищеским] прив[етом] А. Мадритов»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 13–13 об.

Игнатъев написал более развернутое письмо, отправленное 14 марта 1941 г.:

«7 февраля я получил Ваше письмо, на которое и спешу ответить. Не менее Вас я скорблю за невольно причиненную Вам обиду, явившуюся следствием неуместного выражения редактора моей второй книги “50 лет в строю”, за что и приношу Вам искреннее извинение. При описании Русско-японской войны мне приходилось порой обращаться к документам, и я чрезвычайно огорчен, что один из источников, по-видимому, не соответствует действительности.

Чтобы не быть голословным, обращаю Ваше внимание на “Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне — итоги войны”, изд[анные] в Берлине [в] 1909 год[у] и привожу точную выписку со стр. 159, где речь идет о “Предприятии на Ялу, чисто коммерческого характера... мною заявлено было мнение о необходимости вовсе прекратить его. Я добился отозвания нескольких офицеров, участвовавших в предприятии и предложил подполк[овнику] Мадритову, заведовавшему военно-полицейской частью предприятия, подать в отставку или бросить не соответственную, по моему мнению, для офицера, носящего мундир Генерального штаба, должность. Мадритов выбрал первое”.

Вот точная выписка, изменена лишь орфография.

В войну 1904–[190]5 гг. мне пришлось с Вами встречаться лишь мельком, я Вас знал слишком мало, и уже одно это объясняет, что я не мог исходить из каких-либо личных побуждений, чтобы причинить Вам столь незаслуженное оскорбление, за которое и винюсь чистосердечно.

В выходящем отдельном издании моей книги в соответственном месте редакция будет надлежаще исправлена.

Позвольте позжать Вашу руку и примите уверение в моем совершенном уважении»¹⁰⁷.

После письма в деле сохранился отрывок воспоминаний Игнатъева о Мадритове в новой редакции с датировкой 27 апреля 1941 г.¹⁰⁸ Этот текст соответствует процитированному нами в начале статьи.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.

¹⁰⁸ Там же. Л. 3.

Казалось бы, инцидент исчерпан. К тому же вскоре началась война, прервавшая переписку. Однако в конце войны и после нее Мадритов дважды пытался возобновить эпистолярное общение с Игнатьевым. Первая попытка датирована 9 сентября 1944 г. Тогда Мадритов адресовал письмо в редакцию журнала «Знамя» с просьбой передать послание Игнатьеву:

«Ув[ажаемый] т[оварищ] Игнатьев!

Ваша телеграмма и письмо давали мне надежду получить от Вас Ваши воспоминания в исправленном относительно пасквиля¹⁰⁹ издании. Долго я ждал, но и до сих пор ничего не получил. Прошу Вас прислать мне обещанное и, во всяком случае, непременно М. И. Калинин и Б. М. маршалу Шапошникову¹¹⁰, что Вы были введены в заблуждение строками А. Н. Куропаткина, каковые строки, во всяком случае, все же не давали Вам права отозваться обо мне так, как Вы это сделали, а это нанесло мне много неприятностей, кои продолжаются и донныне. Я в 1902–[190]3 г. был главноуполномоченным русского товарищества, а не заведовал военно-полицейской частью, каковой у меня. и не было. У меня были вооруженные дружины под командой офицеров действительной службы. У меня в руках были и дело и деньги. Прошу Вас не отказать то, что Вы скажете обо мне т. Калинин М. И. и Б. М. Шапошникову сообщить письменно т. Кулиеву, пред[седателю] СНК Аз[ербайджанской] ССР (Баку), т. к. это необходимо для моей реабилитации в Аз[ербайджанской] ССР, где до Вашей заметки я занимал почетное место, и мое имя не было ничем запятнано. До 1 ноября жду телеграммы об исполнении моей просьбы.

Между прочим, в управлении кадрами Н[ародного] к[омиссариата] обороны из Кировабадского военкомата имеется полная моя автобиография с материалами. Надеюсь и на то, что редактор журнала “Знамя”, который, как Вы писали, извратил Вашу мысль (обо мне) не откажется также извиниться передо мной.

Вы нанесли мне как нравственный, так и жестокий материальный ущерб, а потому доклады М. И. Калинин и Б. М. Шапошникову, а также письменное отношение к Пред[седателю] СНК Аз[ербайджанской] ССР считаю необходимыми и обязательными для при-

¹⁰⁹ Возможно, — пасквили.

¹¹⁰ Так в письме.

личного человека в общем и г[енерал-]м[айора] славной армии в частности. С нетерпением жду ответа. Ув[ажаящий] Вас А. Мадритов»¹¹¹.

Адрес изменился, теперь Мадритов указал улицу Шаумяна, 123¹¹², «Сантрест» управления коммунального хозяйства Киров-абада.

Заявитель стал требовать от Игнатъева обращения в целях опровержения к высшим должностным лицам (М. И. Калинин, Т. И. Кулиеву, Б. М. Шапошникову), а также извинений редактора журнала «Знамя». Навязчивые претензии и ультимативное требование становились неприемлемыми. Разумеется, ответа на такое письмо не последовало.

Мадритов не успокоился и почти через два года, 25 июля 1946 г., вновь написал Игнатъеву через редакцию «Знамени»¹¹³:

«Любезный генерал. Много лет прошло с тех пор, как Вы поместили в журнале “Знамя” недостойную меня фразу. Вы телеграммой и двумя письмами извинились передо мной и обещали во втором издании Ваших воспоминаний исправить редакцию, и книгу прислать мне. До сих пор книги этой я не получил, а между тем Ваши фразы в первом издании послужили для меня источником больших неприятностей. В 1937 году по инициативе т. Ворошилова и т. М. В. Фрунзе (письменного указания последнего) по протоколу президиума Кировобадского горсовета 23 февраля 1937 г. и согласно постановления Аз[ербайджанского] СНК 7 апреля 1937 г. за № 2371 мне была назначена пожизненная персональная пенсия в сумме 300 р. в месяц. В октябре 1939 года выплаты пенсии мне были прекращены, и когда я запросил причину этого, то мне ответили из аз[ербайджанского] собеса, что у меня не хватает каких-то документов, а в последующем отношении, что мне не выдают пенсии из-за Вашей заметки в журнале “Знамя”. Нелепость ответа видна из того, что пенсию мне перестали выдавать в [19]39 году, а Ваша заметка появилась в 1941 году¹¹⁴. В 1942 году деятели аз[ербайджанского] собеса разграбили кассу

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 14–14 об.

¹¹² Видимо, ошибка, т. к. в других письмах — 193.

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 15.

¹¹⁴ На самом деле — в 1940 г.

аз[ербайджанского] собеса 1 600 000 рублей. Седьмой год я тщетно пытаюсь восстановить свои права и, наконец, 26 июня сего года подал заявление великому нашему вождю т. Сталину. За семь лет я продал все свое имущество и нахожусь ныне с женой и ребенком, усыновленным мной внуком¹¹⁵, в самых ужасных материальных условиях. Прошу Вас, любезный генерал, справиться в секретариате т. Сталина, получено ли мое заявление от 26 июня сего года, посланное мной т. Сталину. Я, конечно, не сомневаюсь в положительном ответе нашего вождя, тем более, что в законе и в инструкции о п[ерсональных] пенсионерах указано, что п[ерсональные] пенсионеры не могут быть лишены пенсии без следствия и суда. Исполнением этой просьбы и высылкой мне Вашей книги Вы глубоко обяжете уважающего Вас А. Мадритова.

Р. С. Желательно было бы уведомление о наличии моего заявления т. Сталину получить телеграфно, т. к. очень тяжело находиться в том бедственном положении, в коем я нахожусь.

Два года, как я пишу книгу "Шестьдесят лет службы Родине". Тяжелое материальное положение сильно отразилось на моем зрении, в виду чего мне придется быть в Москве на операции глаз.

Уважающий Вас А. С. Мадритов»¹¹⁶.

Новое письмо с требованием обратиться в секретариат И. В. Сталина адресат также получил, но и на этот раз отвечать не стал.

Сведения, предоставленные правнуком Мадритова Ю. Ю. Мажуриным, позволили установить дальнейшую судьбу генерала. На склоне лет Мадритов жил в Гяндже (Кировабад) и в Баку. Из приведенного выше письма Нариманову следует, что с Баку была связана сестра Мадритова. По данным правнука, Мадритов скончался там в конце 1950-х гг.

Гражданская война стала сложнейшим периодом для представителей военной элиты русской армии, которым приходилось делать тот или иной выбор. От принятых или непринятых решений подчас зависела жизнь человека и его близких.

¹¹⁵ Речь идет о внуке Мадритова Игоре Александровиче (1940–1978).

¹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 534. Л. 16–17.

Генерал Мадритов в начале конфликта оказался в районе Кавказских Минеральных Вод, ставшем одним из очагов противостояния летом 1918 г. Как один из старших начальников в этих местах и популярный военный деятель Мадритов был выдвинут офицерской массой и представителями горцев на руководящий пост командующего войсками Терской республики. Этот пост он принял в период неудачных для противников большевиков боев за Владикавказ в августе 1918 г. Вскоре, осознав тщетность своих усилий, Мадритов оставил должность и уехал в Добровольческую армию.

По всей видимости, первого опыта вовлечения в Гражданскую войну оказалось достаточно. Мадритов смог лично убедиться в крайней сложности обстановки, слабости антибольшевистских сил, наличии в их среде острейших противоречий и конфликтов, препятствовавших успеху дела, политических играх в тылу в период ожесточенного противостояния на фронте. И хотя в конце 1918 г. Мадритов предложил свои услуги белому командованию, насколько можно судить, на получении назначения не настаивал. В дальнейшем генерал, видимо, вплоть до 1920 г. жил на территории белых, но не служил у них. После Гражданской войны осел в Харькове, вступил в ряды Красной армии, в том числе занимал пост инспектора войск ГПУ Украинского военного округа. В советское время Мадритов скрывал свое руководство антибольшевистскими силами в период боев за Владикавказ. В частности, в послужном списке и в письме видному большевику Н. Н. Нариманову он утверждал, что у белых не служил. Обращает на себя внимание и готовность Мадритова добросовестно служить в разные периоды как белым, так и красным.

В середине 1920-х гг. по семейным обстоятельствам Мадритову пришлось оставить привычное военное дело и перейти на хозяйственную работу. В 1937 г. в Азербайджанской ССР он стал персональным пенсионером. Репрессий избежал и, насколько можно судить, прожил долгую жизнь до конца 1950-х гг. К сожалению, подробности его советской биографии все еще остаются малоизвестными.